

Леонид Поляков
Зав.кафедрой общей политологии
Высшей школы экономики

Идеологический автопортрет российского режима («Их-идеология»).

**«Медведев будет более свободен от того,
чтобы доказывать свои либеральные взгляды.
Но он не менее в хорошем смысле слова русский националист, чем я (...)
Он – настоящий патриот, и будет самым активным образом
отстаивать интересы России на международной арене».**

*Владимир Путин в беседе с Анжелой Меркель,
Москва, 8 марта 2008 г.*

Вопрос об идеологии российского режима одновременно и сложен, и прост.

Сложен потому, что никто из его создателей и высших представителей никогда не формулировал когерентный набор принципов и положений, который был бы представлен в качестве идеологической платформы или идеологического обоснования режима. Более того, и Путин, и Медведев тщательно избегали и избегают любых идеологических определений и самоопределений. Единственным исключением можно считать ясно удерживаемую дистанцию по отношению к коммунистам. Но и то ни второй, ни третий российские президенты не могут быть охарактеризованы как однозначные «анти-коммунисты» подобно президенту Ельцину.

Мало помогает и поиск идеологической определенности режима с помощью так называемой «партии власти». И по истории создания, и по своей цели «Единая Россия» (ЕР) представляет собой типичную всеохватную партию (catch-all-party), хотя в целом партийная система вполне может быть описана как «партийный картель». Наличие в структуре ЕР трех клубов - либерально-консервативного, социал-консервативного и патриотического - явно указывает на желание охватить весь идеологический спектр за исключением крайне левых и крайне правых. Эта идеологическая «всеядность» ЕР настолько заметна, что даже лидер ее списка на

парламентских выборах 2007 г. вынужден был публично критиковать партию за «идеологическую нечеткость». С тех пор, похоже, мало что изменилось.

В такой позиции правящего слоя можно видеть и точное следование ст.13 российской Конституции, запрещающей «государственную» («обязательную») идеологию, и некоторое политтехнологическое лукавство. Президент и «партия власти» предпочитают черпать из общего «электорального котла» половником, в то время как их оппоненты вынуждены это делать кто суповыми, а кто и вовсе десертными ложками.

Однако все эти сложности не означают того, что у российского режима не существует никакой идеологии. С момента вступления Путина в должность и.о. президента РФ и до настоящего времени она была и продолжает существовать, развиваясь и обогащаясь в зависимости от внутрироссийской и глобальной политико-экономической конъюнктуры. Необходимо лишь найти те ключевые точки, опираясь на которые можно будет реконструировать идеологию режима. Или - тот его идеологический автопортрет, который хотя и не висит на стенах кремлевских кабинетов, но ясно прослеживается как в словах, так и в действиях российского правящего слоя.

Как и всякое здание, идеология режима стоит на четырех «краеугольных камнях». Это - ценности, идентичность, критерий самооценки и горизонт целеполагания.

Базовой ценностью режима продолжает (как и в 90-е годы) оставаться - **свобода**. Попытки приписать режиму Путина обмен «свободы» на «порядок», «стабильность», «справедливость», «благополучие» (нужное подчеркнуть) и, соответственно, вменить президенту Медведеву задачу «возвращения свободы» - либо полемический прием политических оппонентов, либо аберрация экспертного сознания. Кредо Медведева «Свобода лучше, чем не свобода» - вовсе не намек на то, что он - «либерализатор» путинского режима.

В реальности ценность свободы сохраняется и активно пропагандируется режимом в трех основных направлениях:

- как свобода рыночной экономики;

- как свобода глобальной конкуренции разных «полюсов» («центров силы»), продвигающих свои «национальные интересы»;
- как свобода в выборе форм организации народовластия, т.е. свобода от любого навязанного извне образца.

Первая позиция отчетливо просматривается хотя бы в том, что весь ключевой экономический блок правительства и администрации президента оккупирован людьми однозначно либеральных (иногда - экстремально-либеральных, как в случае с А.Илларионовым) убеждений. И они - явно неприкасаемые, как показывает конфликт с А.Лукашенко, вызванный главным образом словами и позицией вице-премьера и министра финансов А.Кудрина.

Вторая позиция легко наблюдаема уже в течение длительного периода, но особенно - после мюнхенской речи президента Путина в феврале 2006 г. Российский режим полагает предпочтительным формат деидеологизированного мира после «холодной войны», мира, в котором каждый свободен в выборе принципов, но не вправе навязывать их никому другому. Свобода глобальной конкуренции, в которой выживает наиболее приспособленный (survival of the fittest) - парадоксальная смесь фон Хайека и Карла Шмита.

Третья позиция ярко представлена в концепции «суверенной демократии». Хотя сам термин принадлежит Романо Проди (2004 г.) и затем использовался Диком Чейни (2006 г.), концепция «суверенной демократии», сформулированная в президентском послании 2005 г. утверждает одну простую идею. А именно: право каждого народа организовывать свою власть в соответствии с критерием эффективности, а не соответствия некоему универсальному стандарту «демократии». Насколько приемлемой эта концепция является для Медведева, критиковавшего само словосочетание, показывает его известный тезис: «Всякая демократия абсолютно исторична и абсолютно национальна». Следует при этом учесть, что данная концепция - вовсе не утверждение российской «самобытности».

Вторая ключевая точка - *идентичность*. Путин всегда исходил из того, что *Россия - европейская страна*, разделяющая общеевропейские христианские и гуманистические ценности. Владислав Сурков в своей статье

«Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию» ясно зафиксировал эту цивилизационную идентификацию: «Держаться Запада, не выпасть из Европы».

Президент Медведев в своей берлинской речи в 2007 г. сформулировал концепцию Европы, состоящей из трех «ветвей»: Западной Европы, США и России. И это - не просто историософская схема, а основа практической политики, поскольку идея Медведева о созыве общеевропейского совещания «без блоков» и старых предрассудков по-прежнему «на столе».

Третья ключевая точка - *критерий самооценки*. Паролем здесь является *конкурентоспособность* как интегральное качество страны. Текущая ситуация в России рассматривается с точки зрения способности отстаивать свои «национальные интересы» в противостоянии с остальными глобальными «игроками».

Поэтому «модернизация» понимается режимом как средство повышения конкурентоспособности, а не как - «вестернизация». Задача - догнать и не отстать. Но это - в краткосрочном плане.

Четвертая ключевая точка - наличие *горизонта целеполагания*. Речь идет о том, что режиму присуще свойство ориентации себя и нации на цель, которая если и достижима, то только в длительной исторической перспективе. И служит не столько целью в смысле стратегического планирования, сколько стимулом развития, недостижимым идеалом, не позволяющим нации остановиться.

И нужно признать, что это достаточно амбициозная цель. Ее обозначил Владислав Сурков в лекции «Русская политическая культура. Взгляд из утопии» (2007 г.). Вот его слова: «Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы (...) речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе. Нужна новая проекция русской культуры на предстоящую историю».

По сути дела ставится задача превратить Россию из цивилизации-подражателя, из страны, не отстающей от других, в страну - лидера, страну - образец для подражания.

Разумеется, и Путин, и Медведев как прагматичные политики за горизонт 2020 предпочитают не заглядывать. Но амбициозная цель, сформулированная Сурковым - это глубинный мотив деятельности того и другого.

Как можно обозначить реконструированную идеологию российского режима? По-видимому - *патриотический национал-либерализм*. Не столько жестко отграниченное пространство четких формул и концепций, сколько свободно плавающая грань между идеологиями «национального освобождения» и «национального призвания».